

К годовщине взятия русскими войсками Эривани...

1 октября (по старому стилю) 1827 г. русские войска под командованием И.Ф.Паскевича в ходе семидневного штурма взяли столицу Эриванского ханства – город-крепость Эривань (Ереван).

На протяжении XVI–XVII веках Эривань была ареной

опустошительных войн, которые вели между собой турки и персы, и постоянно переходила из рук в руки. Начиная с XVIII в. армяне Эриванского ханства, подвластного мусульманским ханам, начали освободительную борьбу против захватчиков. Не имея собственных сил для обретения свободы, взоры свои армяне обращали на православную Россию, стремившуюся установить контроль в Закавказье. Попытки овладеть Эриванью предпринимались русскими в течение 23 лет. Во время Первой Русско-персидской войны наша армия дважды безуспешно осаждала город-крепость (в 1804 и в 1808 гг.). Начавшаяся же в 1826 г. по инициативе Персии новая Русско-персидская война, снова поставила перед русским правительством вопрос о Эривани.

Опираясь на моральную и материальную помощь Великобритании, персы 31 июля 1826 г. неожиданно вторглись в пределы Российской империи со стороны Эриванского ханства в районе Карабаха, заняли Елисаветполь и осадили Шушу. Однако уже 5 сентября Елисаветполь был освобожден русскими, а 13 сентября Отдельный Кавказский корпус генерала И.Ф.Паскевича разгромил основные силы персов и к концу октября отбросил их за Аракс. В мае 1827 г. русские войска начали наступление и в конце сентября осадили Эривань.

Крепость Эривань стояла на скалистом берегу реки Занги и была достаточно хорошо укреплена. Крепость называлась «неприступным оплотом Персии», однако на деле ее положение было не особенно благоприятным для обороны – обнесенная крепостной кирпичной стеной, Эривань была расположена в низине, окруженной холмами. Поэтому стоило только поместить артиллерию на возвышенностях, чтобы город стал просматриваться как на ладони. Кроме того, успехи русских войск подорвали моральных дух персов. Как отмечал военный историк генерал В.А.Потто, *«еще недавно лучший оплот персидского государства, крепость эта уже не обладала той нравственной силой, без которой бесполезны всякие укрепления. По-прежнему стояла она на крутом утесистом берегу быстрой Занги, по-прежнему ее высокие, гордые твердыни, ее бастионы и башни грозно смотрели из-за глубоких,*

наполненных водой рвов, недоступных для эскалады; но за крепкими стенами уже давно исчез воинственный дух... Паскевич знал о нравственной слабости Эривани, и еще из-под Сардарь-Абада писал Государю: "Конечно, Эривань не продержится более нескольких суток"».

Управлять городом и командовать гарнизоном крепости был назначен брат персидского сардара (военачальника) Гассан-хан, за свою храбрость носивший титул «Сер-Арслана», то есть «предводителя львов». Он активно принялся укреплять крепостные сооружения, построенные турками еще в XVI в., чтобы в случае появления русских дать им отпор. Не особенно полагаясь на сочувствующее русским армянское население города, персы выслали из города часть армян вглубь Персии, не исполнивших же повеления покинуть город – перебили.

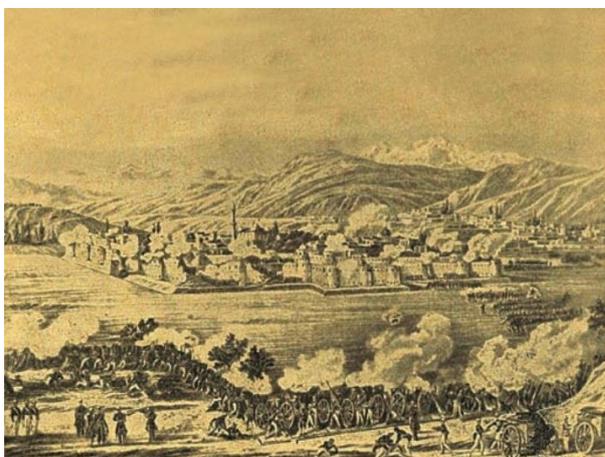
В конце сентября русская армия подошла к Эривани, обложив город с трех сторон. Болезни, начавшиеся в русских войсках из-за непривычного для них климата, заставляли Паскевича спешить со штурмом. На военном совете, состоявшемся 24 сентября, Паскевич спросил у руководившего инженерными работами М.И.Пущина, как долго может продолжиться осада, на что услышал обрадовавший его ответ – «*В Покров день покроем и крепость*».

Расположившись на холмах, русская артиллерия метким огнем наносила существенный урон персам.

«Неприятель отвечал энергично, но скоро должен был уступить

превосходству русской артиллерии; один из первых же снарядов ее попал в главную мечеть и пробил великолепный купол, сделанный с неподражаемым искусством из глазированных синих кирпичей, другой – пробил стену сардарьского дворца и повредил шахский портрет. На суеверных персиян это обстоятельство произвело чрезвычайно дурное впечатление; сам Гассан-хан покинул пышный дворец и переселился в тесную каморку крепостного каземата», - отмечал Потто. Не последнюю роль сыграла и помощь армян, указавших Паскевичу, в какой части крепости засели персы, и куда следует направлять огонь артиллерии. Персы же, из-за неимением хороших артиллеристов, были вынуждены приставить к пушкам армян, а

последние, из-за сочувствия русским, метко стрелять совершенно не стремились. По рассказам армянских старожил, несколько армян-артиллеристов были казнены взбешенным персидским военачальником за измену.

После успешной бомбардировки крепости, Паскевич, щадя осажденных, предложил персам капитулировать, однако хан, полагая отсидеться под прикрытием крепостных стен до прихода шахской армии, затягивал переговоры. Между тем, *«персияне видя, с какою смелостью русские, не только ночью, отражаемые ружейными и пушечными выстрелами, но и среди белого дня, сапами приближались к гласису ... приходили в неизъяснимую робость: гарнизон и жители просили Гассан-Хана скорее сдать крепость»*. Но Гассан-хан отвечал им бранью и проклятиями.

Утром 1 октября 1827 г. в Эривани вспыхнули волнения. Армянское население города решительно потребовало от персидской власти сдать крепость русским. Горожане заняли крепостные стены. Как вспоминал один из участников боевых действий, *«1-го октября, со всех наших батарей почти ещё не начинали стрелять, как вдруг по всей восточной стене, особенно на её разрушенных частях оказалось множество народа, и одни, махая белыми платками, другие шапками — все кричали, что крепость сдается; но между ими не было видно ни одного военного... Эта нечаянность всех удивила и, разумеется, очень обрадовала»*.

Пока жители города выставляли на крепостной стене белый платок и махали шапками, русские войска подошли к крепостным воротам и потребовали сдачи города. Ворота были открыты, и лишь Гассан-хан с горсткой своих сторонников продолжал отстреливаться из мечети. Но угроза штурма мечети заставила хана сложить оружие. Меч персидского военачальника, принадлежавший ранее по преданию Тамерлану, по желанию самого Гассан-хана был отправлен в дар Императору Николаю I. Пленивший Гассан-хана генерал А.И.Красовский, посылая сей ценный дар Государю, писал: *«К стопам Вашего Императорского Величества повергаю меч Великого Тамерлана, добытый мной в стенах Эривани, — писал Красовский государю. — Кому, если не Государю моему и благодетелю, принесу я в дар меч сей, украшавший сокровищницу шахов Персидских? Некогда, в могучей деснице Тамерлана, он покорил Восток и попрад гордость турок, в лице их султана,*

Баязида-Молнии; ныне же, в благословенных руках Вашего Величества, да повторит он светлый удар Тамерлана, сокрушив врагов веры и человечества». Самому же Гассан-хану было велено отправляться в Петербург. Эту весть он воспринял с видимым удовольствием. «Я знал, – проговорил он с важностью, – что великому русскому Императору угодно будет увидеть старого заслуженного воина, которого имя донныне с ужасом произносится турками... Я не боюсь предстать перед лицом великого монарха, – он великодушен и простит мне, что я верно служил моему государю».

«Знамя Вашего Императорского Величества развевается на стенах эриванских, – докладывал Паскевич Государю. – Ключи сей столько прославленной крепости, весь гарнизон ее, взятый в плен, вместе со всеми главными начальниками, самого Хасана-хана, который на этот раз не мог ни бежать, ни пробиться, завоеванные трофеи: 4 знамени, 37

пушек, 2 гаубицы, 9 мортир, до 50-ти фальконетов, наконец подданство и благодарность жителей, освобожденных нами от их мнимых защитников и свирепых утеснителей, — все сие спешу повергнуть ко все милостивейшему воззрению вашему, государь. Войско Вашего Императорского Величества вновь увенчалось блеском победы». Русские войска, занявшие город, прекратили в нем всяческие беспорядки. Уже через два часа после штурма, в городе повсюду стали русские караулы, и в нем водворилось полнейшее спокойствие и безопасность. «Наступило время не силы, а права и справедливости», – отмечал Потто.

В приказе Паскевича по войскам на взятие Эривани, говорилось: «Храбрые товарищи! Вы много потрудились за царскую славу, за честь русского оружия. Я был с вами днем и ночью, свидетелем вашей бодрости неусыпной, мужества непоколебимого: победа везде сопровождала вас. В четыре дня взяли вы Сардарь-Абад; в шесть – Эривань, ту знаменитую твердыню, которая слыла неприступным оплотом Азии. Целые месяцы ее прежде осаждали, и в народе шла молва, что годы нужны для ее покорения. Вам стоило провести несколько ночей без сна, и вы разбили стены ее, стали на краю рва и навели ужас на ее защитников. Эривань пала перед вами, – и нет вам более противников в целом персидском государстве: где ни появитесь – толпы неприятелей исчезнут перед вами, завоевателями Аббас-Абада, Сардарь-Абада и Эривани; города отворят ворота свои, жители явятся покорными, и угнетенные своими утеснителями соберутся под

великодушную защиту вашу. Россия будет вам признательна, что поддержали ее величие и могущество». «Громкое имя Эривани стало с тех пор общеизвестным народу до самых глубоких его слоев как один из синонимов русской славы», – справедливо замечал генерал Потто.

Солдаты же, участвовавшие в штурме города, позже сложили песню, в которой, в частности, были следующие строки:

*Первый подвернулся нам
Сам Аббас-Мирза;
Мы мирзе с мирзятами
Плюнули в глаза.*

*И в глаза им плюнувши
Громовым огнем,
К Эриванской крепости
Шли минуты с днем.*

*А приехали, начали,
Видя вражью мочь,
Шанцы, батареюшки
Строить день и ночь.*

*А построив, в нехристя
Прежде чем палить,
Пушечки, мортирочки
Стали наводить.*

*А потом, ребятаушки,
Как пришла пора:
Крикнули по-нашему
Русское «ура!»*

*Крикнули, ударили,
Понеслись на брань —
И в секунду с четвертью
Взяли Эривань.*

*Граф же Иван Федорыч —
Наша голова —
Тотчас в ней отпраздновал
Праздник Покрова.*

Император Николай Павлович, получив донесение о взятии Эривани, отслужил благодарственный молебен в церкви Зимнего Дворца, а привезенные ключи покоренной крепости и четыре знамени, взятые на стенах ее, приказал провезти в торжественной процессии по улицам столицы. Герой Эривани Паскевич

удостоился щедрой награды – ордена св. Георгия 2-й степени и титула графа Эриванского.

Спустя год, по условиям Туркманчайского мира, Эриванское ханство вошло в состав Российской империи, а Эривань стала столицей Армянской области (с 1849 г. – Эриванской губернии). При этом всем подданным Персии – армянам было разрешено в течение года перейти за Аракс – новую границу Российской империи – и стать подданными Государя-христианина, чем многие из них поспешили с радостью воспользоваться.

Подготовил **Андрей Иванов**, доктор исторических наук

Источник: [Русская народная линия](#).